

Stone Dreams (author: Akram Aylisli)

Каменные сны

роман-реквием

Посвящается памяти земляков моих, оставивших после себя неоплаканную боль

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ СТАРОЙ ГАРДЕРОБЩИЦЫ, СМЕРТЕЛЬНООПАСНАЯ ШУТКА ЗНАМЕНИТОГО АРТИСТА И ПАРТБИЛЕТ-ПИСТОЛЕТ

Состояние больного, только что доставленного в отделение травматологии одной из крупных бакинских больниц, было очень тяжелым.

Больного, без сознания лежавшего на каталке, везли по самой середине полутемного, тянущегося вдоль всего этажа больницы коридора в операционную, расположенную в другом крыле здания. Их было две женщины в белых халатах, и в таких же халатах двое мужчин. Рядом с каталкой шел и сам хирург, худощавый, седовласый, среднего роста человек, отличающийся от своих коллег сдержанностью, повелительной строгостью лица и особой чистотой халата.

Если и было что-то отличительное и кажущееся неуместным в этой обычной для больничной жизни картине, то это трагический комизм в облике и поступках человека, который привез больного в клинику. Этот маленький вертлявый мужчина лет пятидесяти пяти — шестидесяти с маленьким личиком, которое никак не гармонировало с его огромным круглым животом, бегал вокруг врача, постоянно повторяя одно и то же:

- Доктор, родной мой, доктор... убили. Такого человека, среди бела дня, избили, уничтожили. Это все еразы, доктор, еразы. Пять-шесть парней-еразов... Эти сукины дети беженцы совсем не уважают людей, доктор, дорогой мой. Ни артистов они не признают, ни поэтов, ни писателей. Только назови кого-то армянином — и все. Тут же швырнут под ноги и затопчут, как дикие звери. Раздерут на части, и никто близко подойти не смеет... Я им говорю: не бейте, этот человек, говорю, не армянин, он наш человек, сын нашего народа, гордость и совесть нации. Да кто там слушает. Даже не дали мне свое имя назвать. Так врзали ногой в бок, что я чуть там же не умер. Вот сюда доктор, в правый бок. До сих пор страшно ноет...

Доктор не очень хорошо понимал, что говорит человек, доставивший больного. Может быть, и не хотел понимать. А может, даже и не слышал, что непрерывно бормотал этот суетливый, смешной мужчина, повязавший желтый галстук на клетчатую коричневую рубашку. Однако наблюдательный человек мог бы заметить, что врач временами тихо усмехался в усы. И не потому, что с каждым словом, с каждым жестом человека, доставившего больного, возникала комическая ситуация. А скорее потому, что лежавший

на каталке светловолосый мужчина был худощав и заметно высокого роста. И, возможно, противоположность в облике этих двоих напоминала доктору самые грустные страницы истории Дон Кихота и Санчо Пансы.

Когда они достигли дверей операционной, один из мужчин в белом халате преградил путь смешному человеку в желтом галстуке.

— Пропустите его, — сказал врач. — Ему, кажется, есть что сказать. Пусть выговорится.

Операционная, которая была значительно меньше коридора, тем не менее оказалась просторным помещением с высоким потолком и огромными окнами. Операционный стол, стоявший прямо посередине, напоминал укрытую простыней каталку, на которой везли больного. Двое мужчин в белых халатах, доставившие каталку с больным, подняли его, уложили на этот стол, взглядом спросили разрешения у доктора и молча вышли из операционной.

— Пероксид! — громко сказал хирург медсестрам, закатывая рукава халата. — Принесите, оботрите ему лицо. — Посмотрев на залитого кровью больного, он пробормотал какое-то ругательство и, обращаясь к его спутнику, спросил: — Кто это сделал с ним?

— Я же говорил вам, доктор: еразы. Эти сукины беженцы, прибывшие из Армении. Мало того, что они разбили ему все лицо. Так еще и повалили его на землю, как дикие звери, стали бить по животу. Еще, доктор, хорошо, что я подроспел. Вышел с утра в город немного проветриться. Выхожу с этого проклятого места, что называется Парапетом, и вижу, как у края фонтана пять-шесть усатых негодяев избивают человека. А люди стоят в стороне и молча смотрят... — Тут он внезапно запнулся. Губы его все еще продолжали шевелиться, но слова, казалось, дальше кадыка не доходили.

— Перекись закончилась, доктор, — как можно тише извиняющимся голосом сказала одна из медсестер. (Одна из них была пожилой, другая — совсем молодая.)

— Спирт есть, кажется, — безнадежно сказал хирург.

— Нет, доктор. Все, что было, израсходовали вчера.

— Ладно, омойте водой. Марганца много не кладите. — Доктор вымыл руки с мылом перед умывальником, стоявшим в углу комнаты, потом подошел и встал перед операционным столом. — Снимите все, что на нем. Оставьте в одних трусах.

Больной, лицо, нос, подбородок, воротник оранжевой шерстяной рубашки, полы голубоватого пиджака которого были залиты алой кровью, так спокойно лежал на операционном столе, словно там, на той называемой Парапетом площади, били не его, а его злейшего врага. Он крепко спал, хотя из груди у него вырывались частые хриплые стоны. И мало того, что спал, он, кажется, еще и видел сны, причем эти сны, казалось, доставляли ему большое удовольствие.

Пока женщины смывали запекшуюся кровь с лица больного, доктор проверял его пульс. Когда медсестры раздели больного, он начал внимательно осматривать его и как бы отчитываться перед собой или диктовать кому-то:

— Наложить два шва на нижнюю губу. В области челюсти переломов не наблюдается. Два вывиха на левой руке: у локтя и у запястья. Вывихнуты два пальца правой руки: большой и средний. Тяжелая мышечная травма на левой ноге. Перелом коленной чашечки правой ноги. На спине, грудной клетке, позвоночнике серьезных аномалий не наблюдается. На черепе переломов не видно. — Доктор замолчал, опять в сердцах выругался. — Сотрясение мозга! — Он сказал это почему-то громко и по-русски, потом достал из кармана брюк носовой платок, не спеша вытер пот со лба и снова по-русски добавил: — Избиение зверское!

После каждого произнесенного врачом слова на лице человека, доставившего больного, отражались все его переживания, вся боль и страдания. Он с трудом сдерживался, чтобы не разрыдаться. Когда доктор закончил осмотр, одновременно закончилась и вся выдержка у этого человека. Он заплакал навзрыд, как обиженный ребенок.

Одна из стоявших у операционного стола женщин в белом халате (та, что помоложе) прослезилась. Пожилая медсестра тоже расстроилась и горестно покачала головой. И доктору было очень жалко этого человека. Он стал успокаивать его:

— Ну что вы, так не годится... Нет ничего страшного. Через пятнадцать дней ваш друг будет как новенький, я сделаю из него конфетку. — Опустив голову, он задумался, потом снова поднял голову и с некоторой осторожностью спросил:

— Значит, ты говоришь, этот человек армянин?..

Наш комический герой удивленно выпучил глаза.

— Да разве вы не знаете его?.. Вы не знаете Сада Садыглы? Гордость азербайджанского театра! Артиста номер один! Вы действительно не знаете этого великого мастера, доктор? Даже по телевизору не видели?.. Вы и меня не раз видели по телевизору, доктор. Может быть, просто не запомнили... Нувариш Карабахлы — известный исполнитель комических ролей. Меня вы можете не знать. Я и не обижаюсь на вас. Но нет человека, который не знал бы Сада Садыглы. Ведь никто в мире так не играл Гамлета, Отелло, Айдына (1), Кефли Искендера (2).

— А я вас сразу узнала, — с нескрываемой гордостью сказала молодая медсестра.

— Вас обоих я часто видела по телевизору, — почему-то с некоторой кокетливостью проговорила ее пожилая коллега. — А доктор Фарзани не виноват. Он больше тридцати лет жил в Москве, еще трех лет не прошло, как вернулся в Баку.

Сообразив, почему его и Сада Садыглы не узнал врач, артист разом успокоился. [...]

Нувариш Карабахлы догадался, что все его слова прошли мимо ушей врача. То ли тот был слишком задумчив, то ли он, Нувариш Карабахлы, от нервозности не смог найти нужных слов. Поэтому он постарался насколько возможно сосредоточиться и принялся еще проще и примитивнее пересказывать все, что произошло на Парапете.

— Дело обстояло так, доктор: я сегодня шел по городу. Который был час, точно не скажу — может, десять, а может, одиннадцать. На Парапете есть такое место с фонтаном — вы, наверное, видели его. И вот оттуда вдруг раздался страшный крик. Кто-то словно выль. Оказывается, это был старый армянин. Он вышел купить хлеба и тут же попался в руки еразам. Прямо в домашней одежде... И в тапочках. Когда я добрался до того места, несчастный уже был убит и брошен в бассейн. А глаза у него были открыты, доктор, и смотрел он прямо на меня. Я лично не видел, как его убивали. А те, кто были там раньше, рассказывали, что армянина сначала бросили в бассейн, прямо в ледяную воду. Он старый человек, не мог оставаться в воде. Хотел вылезти. А эти парни стояли у края бассейна, били его ногами, пока не забили до смерти. А у Сада Садыглы, да поможет ему Бог, беда вечно кружит над головой. Иначе с чего бы именно ему оказаться в это время в том проклятом месте?.. Не выдержал он, вот и все!.. Он же артист, гуманный человек. Сердце не вынесло. Он бросился на помощь. А откуда этим еразам знать, кто он и что он? Они же приезжие, нездешние. Вот и приняли его за армянина и набросились, как дикие звери. Опоздай я хоть на минуту, они и его отправили бы к старику-армянину. Но Бог миловал — он остался жив. Я вас умоляю, доктор, спасите его. Жизнь этого великого человека теперь в ваших руках. — Этими патетическими словами артист закончил свою речь.

Врач спешил начать операцию. Но, казалось, для этого чего-то не доставало.

К тому же, видимо, рассказ артиста потряс его. Он не видел ничего необычного в том, что лежавший без сознания на операционном столе Гамлет-Отелло-Кефли-Искендер пытался спасти старика-армянина. По мнению доктора, именно так поступил бы каждый, кто считает себя человеком. Однако жители этого города, словно сговорившись, старались держаться подальше от того, что называется человечностью. Казалось, им даже и невыгодно стало сохранять человеческое лицо.

Всего десять-пятнадцать дней назад доктор Фарзани здесь же, в этой операционной, делал очень сложную операцию армянской девочке лет четырнадцати-пятнадцати, которая бог знает каким чудом была доставлена в больницу.

В метро, где всегда полно народа, несколько женщин-азербайджанок набросились на нее и на глазах сотни людей устроили над ней расправу. А за несколько дней до того какой-то поэт-дегенерат ворвался в больницу и, избив, выгнал из кабинета врача, сорок лет проработавшего в кардиологическом отделении, только потому, что тот имел несчастье родиться армянином. [...]

— Все ясно, Нумайш муаллим. Как говорят персы: меселе мелум ест (3) , — бодрым голосом, не вязавшимся с его откровенно плохим настроением, сказал доктор, перекладывая свои хирургические инструменты.

Нувариш Карабахлы не обиделся на то, что доктор искажил его имя (человек, более тридцати лет проживший в Москве, имел на это полное право), но не преминул восстановить его:

— Кто такой Нувариш Карабахлы, доктор? — сказал он. — Обычный актер. Сотня Нуваришей Карабахлы не стоят мизинца одного Сада Садыглы. Лучше бы те мерзавцы вместо него меня избили.

— Он тоже карабахский? (4) — спросил врач, в очередной раз проверяя пульс больного.

— Да, нет же, доктор, И я не карабахский. Я родом из Кюрдамира (5) . Карабахлы — это у меня псевдоним. А Сада Садыглы родился в Нахичевани, там в Ордубадском районе есть такое место — село Айлис (6) . Очень древнее село, доктор, хоть я сам никогда там не был. В свое время, говорят, там жило много армян. Их семь или восемь церквей вроде бы до сих пор стоят. Видно, те армяне были очень умными, хорошими людьми. И Сада Садыглы такой человек, доктор, что, хоть мир перевернется, но он белое не назовет черным. Уж сколько раз попадался из-за своего языка, но так ничему и не научился. [...] Он говорит: это не армяне, а мы сами плохие. И не боится. Всюду говорит это, везде — и в театре, и в чайханах.

Доктор Фарзани, широко раскрыв глаза, на этот раз посмотрел в лицо больному с каким-то особым интересом. Словно только теперь в первый раз его и увидел. Женщины, хранившие гробовое молчание, вдруг о чем-то стали живо перешептываться. Фарзани твердо взял Нувариша Карабахлы под руку и, ведя его к двери, сказал:

— Ну, давай, молодой человек, тебе здесь уже делать нечего. Посиди в коридоре, отдохни. А хочешь — иди домой, прими, как положено, сто граммов и заваливайся спать. Потом придешь, если захочешь. Это тебе, друг мой, не аппендицит вырезать, здесь требуется капитальный ремонт, часа три-четыре продлится. Не переживай. Друг твой будет жить. Я из него такого Отелло сделаю, что Дездемона от радости в обморок упадет.

С этими словами доктор выпроводил артиста в коридор и закрыл за ним дверь.

Когда двустворчатые двери операционной закрылись, Нувариш Карабахлы вдруг ощутил острое одиночество, словно весь мир остался там, за закрывшимися дверями.

Из длинного полутемного коридора веяло кладбищенской тоской. Свет не горел. Вокруг никого не было. Большие двустворчатые окна на противоположной стене коридора мрачно тускнели, не пропуская света: то ли были очень пыльными, то ли на улице уже стемнело.

Лишь в одном месте — недалеко от застекленного балкона, у дверей, видна была скамейка. Больше в коридоре сесть было негде. Нувариш Карабахлы медленно пошел в сторону скамейки, ощущая головокружение и подступающую тошноту. [...] Он достал из

кармана сигареты, но [...] не решился закурить. Все сильней ощущая подступающую тошноту, он двинулся в сторону окна и, еще не дойдя до него, увидел, что и в другую сторону от операционной тянется такой же длинный коридор. В отличие от этого, пустого, у входа в который находился кабинет доктора Фарзани, там было множество окон, и выстроившиеся вдоль коридора голубоватые двери палат смотрели в мутные, пепельного цвета окна.

[...]

Нувариш Карабахлы закурил сигарету, которую все это время держал в руке, но при первой же затяжке в глазах у него потемнело. Испугавшись, что сейчас упадет, он, держась за стенку, доплелся до скамейки и долго сидел там, пока пелена, застилавшая ему глаза, постепенно не рассеялась.

Пелена не беспокоила Нувариша Карабахлы. Он привык к ней.

Сейчас он был больше всего озабочен тем, как сообщить о случившемся жене Садая Садыглы — Азаде ханум.

Нувариш часто бывал в доме Садая Садыглы. И знал, где работает его жена. Азада ханум, наверное, еще на работе. Но в эту минуту встать и отправиться на работу к Азаде ханум было для Нувариша делом почти невозможным. Он еще не обдумал, как расскажет ей обо всем. Самое лучшее было остаться здесь и дожидаться конца операции. Потом, когда операция закончится, раны Садая будут перевязаны и сознание вернется к нему, куда легче будет рассказать Азаде ханум о случившемся. (Он забыл, что сегодня воскресенье и ее нет на работе.)

Нувариш Карабахлы был трижды женат, но в этот вечер во всем городе его никто не ждал.

[...]

Теперь, уже более десяти лет, у Нувариша была хорошая двухкомнатная квартира в центре города. До февраля этого года он вел в ней хоть и одинокую, но, по сравнению с нынешней, спокойную, может быть, даже слишком счастливую и привольную жизнь. И вот она насмешка судьбы — теперь Нувариш Карабахлы старался попадать в свою квартиру лишь по ночам, да и то потому, что больше некуда было деться. В собственном доме он не знал ни минуты покоя, ни сна, ни отдыха. А причина была в том, что один из работников Баксовета, занимающий незначительную, но очень денежную должность — здоровенный пузатый верзила — захватил квартиру старой работницы театра, гардеробщицы Греты Сарикисовны Минасовой, получившей ее в один день с Нуваришем по соседству, на последнем, десятом этаже их дома, и устроил там самый настоящий бордель. За стеной целыми днями стояли шум и грохот. Животный смех и вскрики старых опытных проституток и еще молоденьких девушек, только вступающих в профессию, их подлинные или притворные стоны наслаждения сводили с ума, не давали артисту покоя днем, мешали спать по ночам.

По слухам, этот верзила был одним из богатых людей Шуши. В Баку он объявился недавно, устроился на работу в Баксовет, купил в кооперативном доме рядом с домом Нувариша четырехкомнатную квартиру. Этот человек имел квадратную фигуру. Поразительная по ширине спина выходила за рамки любых стандартов. У него были иссиня-черные густые волосы, такие же черные и густые брови, широкие, щедрые усы и выпученные пустые, ничего не выражающие крокодильи глазки. Даже имя и фамилия этого человека были для Нувариша Карабахлы выражением жестокости и безбожности: Шахгаджар Армаганов! Чтоб провалиться тому, кто дал имя этому животному!

Как-то утром, когда еще только рассветало, во дворе был поднят шум: мол, слушайте, люди, тут какая-то армянка выбросилась с балкона. Крошечное старушечье тело Греты Саркисовны еще только умирало в большой луже крови, а по городу уже пошли странные вести о том, что выбросившаяся с балкона армянка оставила перед смертью покаянное письмо: “Я ненавижу себя за преступления, которые учинили армяне. Я презираю свой народ и потому больше не хочу жить на свете. Карабах принадлежит Азербайджану. Да здравствует Азербайджан”.

Нувариш ни тогда, ни сейчас нисколько не сомневался в том, что это “самоубийство” — дело рук того шушинского верзилы. Вполне возможно, сам Шахгаджар Армаганов и сбросил Грету Саркисовну с балкона. Теперь уж времена такие. Возьми да сбрасывай с балкона хоть сто армян в день. А вместе с ними и мусульман. Спокойно можно стереть с лица земли любого человека, если нет за ним чьей-то поддержки. И артист с каждым днем стал все больше бояться шушинца. Нет теперь ни законов, ни судов — возьмет он в один прекрасный день и запросто сбросит с балкона и его, Нувариша, и представит это как самоубийство. [...]

Теперь даже в самые жаркие летние дни артист плотно закрывал все двери и окна, и один Бог знает, сколько мук испытывал он каждую ночь в ожидании утра. Как раз в одну из таких жутких ночей он и принял решение — во что бы то ни стало приобрести себе пистолет. С этой просьбой он обращался ко многим знакомым работникам милиции и военкоматов.

Однако ничего, кроме смеха, его просьба не вызвала у людей, которые привыкли смеяться просто при виде его. И когда артист уже совсем потерял надежду обзавестись оружием и обрести в собственном доме хоть какой-то покой, один известный писатель, три пьесы которого были поставлены в их театре, указал ему (всего два дня назад) самый простой путь. По словам писателя, сейчас каждый член Народного фронта имел по одному или даже по несколько пистолетов. [...] [Т]акому знаменитому артисту, как Нувариш Карабахлы, достаточно просто сходить в штаб Народного фронта и шепнуть пару слов на ухо Главному Бею.

[...]

И вот сегодня в полдень артист, выйдя из дома, напрямик направился в штаб Народного фронта. Бей еще не пришел. Артист почти час простоял у входа в штаб, ожидая его. Потом

сходил позавтракал в кафе рядом с кинотеатром “Араз”: выпил сто пятьдесят граммов водки, съел две порции сосисок. А когда, выйдя из кафе, снова направлялся в штаб Народного фронта, там — около бассейна с фонтаном — и попал в эту ужасную историю.

[...]

Окончательно поверив, что именно от Главного Бея он в ближайшее время получит пистолет, Нувариш Карабахлы с грустью вспомнил, как всего год-полтора назад они с ним долго и сладостно посиживали в разных чайханах. Вспомнил май 1979 года, когда тогдашний Первый человек всего Азербайджана внезапно посетил театр и так же внезапно выделил ему квартиру в центре города. Вспомнил, как еще в конце 60-х он однажды крепко поддал и, совершенно пьяный идя к автобусной остановке, на углу улицы Зевина встретился с человеком, которого именовали в народе Хозяином. Тогда Нувариш Карабахлы жил еще в доме отца, а в театре только начинал выходить на сцену в эпизодических ролях. Однако (бывают же чудеса на свете!) оказалось, что тогдашний Хозяин видел эти незначительные роли Нувариша. И не только видел, но и крепко запомнил.

В тот вечер Хозяин тоже возвращался, кажется, с какого-то застолья и был в отличном расположении духа. (С ним рядом шли двое крепких мужчин — телохранители.)

— А, артист, погоди-ка, братец, — сказал он. — Ну и выпил же ты! Где это ты так поддал? — Он подмигнул одному из мужчин, стоявших рядом. — Я тоже выпил. Только, видишь, не качаюсь на ровном месте...

[...] [Е]сли б Первый не протянул ему руку и не сказал: “Давай знакомиться”, наверняка и не запомнил бы, с кем имел дело в ту ночь на углу улицы Зевина.

— Давай знакомиться. — Он назвал свое имя. — А тебя я знаю, ты артист.

И хорошие роли играешь в театре. А куда же теперь путь держишь?

Нувариш заплетающимся языком еле-еле пробормотал:

— В Хы-хы-Хырдалан. Иду на автобус.

Человек с несколько продолговатым лицом оглядел артиста с ног до головы.

— Ну, иди, — приказал он с пугающим презрением. — Уже поздно. Шагом марш! И больше так не напивайся.

“Ты все еще живешь в Хырдалане?” Эти слова, сказанные позже в театре Первым, сейчас так живо прозвучали в ушах артиста, что, казалось, их отчетливо расслышали даже безжизненные стены больничного коридора.

— Я сейчас живу в поселке Монтина — на один этаж ниже земли, — смело пошутил артист со своим давним знакомым.

— С завтрашнего дня будешь жить в самом центре города — на 10 этажей выше земли, — твердо сказал Первый, на шутку отвечая шуткой.

В тот вечер, отыграв ахундовского “Мусье Жордана” (8), весь творческий коллектив театра собрался в кабинете директора Мопассана Мираламова. [...]

Очевидно, в тот день, собираясь в театр, Хозяин заранее запланировал выделить квартиры нескольким работникам, в числе счастливиц обязательно должна была быть и Грета Минасова. [...] И Грета Саркисовна, растерявшись от неожиданного приглашения, вошла в кабинет Мопассана блее мертвеца, а вышла оттуда, плача от счастья и неустанно повторяя: “Спасибо, сынок! Огромное вам спасибо!!!”

До сих пор перед глазами артиста так и стоит лицо Греты Саркисовны в тот вечер. Может даже, еще живей, чем тогда, еще выразительней. И еще — посеревшее лицо Сада Садыглы, его покрасневшие глаза, взгляды, полные ярости и гнева.

У него почему-то с самого начала не складывались отношения с Первым. Впрочем, по мнению Нувариша, вина была не в Хозяине, а в упрямстве и гордости Сада Садыглы. “Банной водичкой себе друзей зарабатывает. Дает каждому что-то, отнимая самое главное в человеке — его достоинство. Кастрирует душу народа, чтобы сделать всех тихими и послушными”. Подобные страшные слова Сада Садыглы не боялся произносить и в присутствии театрального начальства.

“А ты в чем нуждаешься, господин Садыглы?” — так обратился тогда к Садаю Первый сдавленным и неуверенным голосом, что ему вовсе было не свойственно [...]. Конечно же “мировоззрение” Сада Садыглы Хозяину было известно. “Я ни в чем не нуждаюсь!” — громко и высокомерно ответил Сада Садыглы. Разговаривая с Первым, все вставали. А этот даже не шевельнулся. [...] На следующий день все в театре с сожалением говорили, что, веда себя Сада Садыглы в присутствии Хозяина чуть “пристойней”, дал бы тот и ему квартиру в центре города, в самом лучшем доме, квартиры в котором устаивался даже не каждый министр.

Ну, скажи после этого, что язык не самый подлый враг человеку.

Притулившись в углу скамейки, свернувшись в клубок, Нувариш Карабахлы заснул, и снился артисту, быть может, самый кошмарный сон в его жизни.

Сероватое странное место. Сырость пробирала до костей. Ни дома, ни деревца, нет в мире никого и ничего, кроме черной лужи крови. Грета Саркисовна, как маленький черепашонок, только что вылупившийся из яйца и торопящийся к воде, выползла из лужи собственной крови. Ее мертвое и в то же время живое, с ободранной кожей обнаженное тело было так уродливо и страшно, что, быть может, с самого сотворения мира никто и не видел столь жуткого зрелища. Грета Саркисовна ползла и ползла по земле, извиваясь, как змея. Однако это был не асфальтированный двор дома, где сейчас жил Нувариш. Это место напоминало голую землю в хырдаланском дворе Нувариша, и по той земле ползла

Грета Саркисовна, стремясь, кажется, доползти до своей смерти. Но смерть эта, словно кем-то украденная и где-то издевательски спрятанная, никак не шла к ней. Иногда она, поднимая голову, бормотала: “Спасибо, сынок, огромное вам спасибо!” — и вновь в невыносимых болях и муках продолжала путь к своей смерти... И Нувариш вдруг осознал, что Грета Саркисовна ползет прямо в его сторону. Так, будто ее смерть во власти одного Нувариша.

И хотела Грета Саркисовна получить у него эту смерть, чтобы навсегда избавить свое ободранное тело от мук и страданий... Чем ближе подползала Грета Саркисовна, тем больше страх и ужас охватывали Нувариша. Артист пытался убежать от мертвой женщины, которая никак не могла умереть. Однако у него ничего не получалось — он не мог отодвинуться ни на пядь, все тело его словно было залито расплавленным свинцом.

Не вынеся этого кошмара, артист открыл глаза и — счастливый — обнаружил себя в холодном и сыром коридоре. Уже включили свет, и двери операционной на другом конце коридора были открыты нараспашку.

1. Герой драмы Джафара Джаббарлы “Айдын”.
2. Герой комедии Джалила Мамедкулизаде “Мертвецы”.
3. Вопрос ясен.
4. Карабахлы — Карабахский (азерб.)
5. Кюрдамир — район и город в Азербайджане.
6. Историческое название Агулис. В свое время — уникальный город, один из культурных центров Закавказья. В настоящее время Айлис — небольшое захолустное селение в Ордубадском районе.
7. Поселок Монтин — один из районов Баку.
8. Имеется в виду комедия Мирзы Фатали Ахундова “Мусье Жордан, ученый ботаник, и дервиш Мастали шах, знаменитый колдун”.